

ПОЛУНОЧНАЯ ЗАРНИЦА

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Изба в густом майском лесу, перед ней поляна, среди поляны раскидистая яблоня, лесовка, вся белая и кудрявая от цвета. Солнце уже село за лесом, но еще долго будет светло. Все свежо, молодо, всего преизбыток - зелени, цветов, трав, соловьев, горлинок, кукушек. И сладко, лесом, цветами, травами, пахнет легкий холодок зари. За теми чашами, над которыми светлая пустота весеннего заката и которые спускаются в лесные овраги, розовеющим зеркалом сквозит пруд, и в нем иногда квохчет лягушка, томно, изнемогая от наслаждения. Соловьи низко перелетают над поляной, гоняются друг за другом, на лету цокают, трещат.

Верховая лошадь, кажущаяся под седлом еще легче и красивее, стоит под яблоней. Она тянется мордой к мелкой листве среди белых цветов, обрывает ее и все время звучно жует. А я сижу на пне возле избы, и мне приятно, что я здоров, молод, что я хорошо езжу и что лошадь ценит это, любит меня, что она так женственна и породиста, что она с одинаковым удовольствием покоряется мне во всем - принимает на себя седло, чувствует крепко охватившие ее подпруги, идет крупным, вольным шагом или во весь опор скачет, стоит возле крыльца, на меже в поле, поддеревом в лесу...

В избе, на лавке возле окошка, - девочка лет трех, в чепчике. Она занята тем, что бьет себя по губам: бам, бам, бам! За ней, внутри избы, темно и жарко.

Широта и глубина светлого заката сократилась, померкла. В бездонной высоте, сереющей над поляной, парами налетают вальдшнепы, на мгновение останавливаются и летит дальше. Лягушка смолкла, - во всем лесу тишина, только щебечут где-то вблизи две птички, да и то как-то безжизненно, перед сном. И все чаще, все страннее смотрит вверх, на сереющую синеву, где уже мелко проступают первые зерна звезд, горбатая девка, смирно сидевшая весь вечер на траве неподалеку от яблони.

Вверху - небо, вправо - померкшая заря, впереди, за яблоней, - далекие красноватые просветы в черных лесных низах. И я тоже смотрю - то в вышину, то на эти просветы, то на лошадь, то на девку - и тогда она, не глядя, тотчас чувствует мой взгляд и стыдливо подбирает ноги, оправляет платье. Она чисто и приятно одета. Лицо у нее слегка широкоскулое, но тонкое, озаренное прозрачной бледностью. Трогательно ее ожерелье на худых ключицах, девичья льняная сорочка, маленькие босые ноги - и странный, даже немного страшный ее частый и несмелый взгляд на небо.

Подходит ее мать - воротилась из села, принесла мешочек пшена, связку кренделей.

Поздоровавшись со мной, садится на порог избы, вздыхает:

- Была в селе, купила кой-чего... А вы давно тут? Анютка не плакала? На нее надежды нету, - говорит она, разумея горбатую, которая слушает так, будто говорят не про нее, а про кого-то другого, - она у нас, сами знаете, какая...

Я знаю, но баба подробно и не спеша рассказывает или, скорее, вслух передумывает все то, что я слышал уже много раз:

- Что ж, дошло до того, что два раза из омута вынимали... Пришла я как-то из села, а она в пруде по горло, топиться хочет... А намеренно с осинки сняла: собираю сушь в лесу, глядь, а она висит на суку, еле ногами травы касается, - уж краски по лицу пошли... "Все, говорит, ходит *Он* ко мне, душит, настигает..." Ночью проснусь, а она задыхается, кричит: "Что ты? Что ты? Пусти, не хочу!" - А самой, по голосу слышу, лестно, сладко... Спать без того не ложится, - молится, приговаривает: "Не надейся, не надейся, с собой не положу! Всю постелю закрепшу!" Тает, на нет сошла, осталось нарядить да в гроб положить... Уж я с ней работы и не спрашиваю, грех и спрашивать... Куда вся храбрость девалась, а прежде чистый огонь была, нежная, обидчивая... Дело молодое, тайное, какой только думки в голове нету! Иной раз проговорится, - глаза потупит, покраснеет и шепчет: "Ну что ж, ну, горбатая, а все лицом не хуже других... Ну и пускай никто не возьмет, постыдится с такой-то под венец стать... Найду себе получше дружка, потаенного, полуночного..." Какой страшный грех говорит, а все думается - помрет, все господь простит...

Девка сидит прямо, неподвижно, не слушает, пристально и странно глядит в темноту леса...

Домой еду полями. Земля залита темнотой, темнота поднимается снизу, затопляет далекую зарю, последний след ее. Свежо - пахнет и зеленью уже поднявшихся ржей, и росистой травой на межах, и всем тем полевым, ночным, среди чего я родился, вырос, чем так сладко живу...

Баба говорила: "Я сплю с Анюткой на нарах, а она на конике, под святыми... Ночью проснусь -